

03911
№ 16

П. АЛЕКСАНДРОВ

28997.

~~кр~~

**ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
Н. Д. СЧЕТКОВ**

**ГОСЛЕСТЕХИЗДАТ
Москва — 1941**

П. АЛЕКСАНДРОВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
Н. Д. СЧЕТКОВ

ГОСЛЕСТЕХИЗДАТ
Москва — 1941

ВСТРЕЧА

Мы встретились с Николаем Дормидонтовичем Снетковым после долгой разлуки в Центральном научно-исследовательском институте лесосплава. Он привез сюда чертежи своей новой машины для сплотки леса и в ожидании технического совета осматривал достопримечательности города.

Встреча произошла в одной из лабораторий. На стенах висели синие кальки, какие-то мудреные схемы, тут и там стояли чертежные станки, похожие на музыкальные пюпитры.

— Давай, давай потолкуем, давно не видались, — сказал Дормидонтыч окающим приглушенным басом. Он был такой же, как и пять лет назад: бодрый, здоровый, коренастый, с богатырской грудью. Глаза те же — умные, спокойные, глубокие, ко всему пристально приглядывающиеся. Лишь в уголках прибавились новые мелкие морщинки, и волосы как будто стали белее.

— Теперь, брат, дела наши в гору идут, — сказал он улыбаясь. — С научным миром у нас полная смычка.

Дормидонтыч улыбнулся, погладил длинные пушистые усы, закурил папиросу и продолжал: — Помогают ученые нашему брату, практикам. Теперь не ленись, работай, знай, во-всю.

Как и всякий раз, когда мы встречались с Николаем Дормидонтовичем, речь у нас заходила о жизни, о прошлом, о настоящем, о том, как будем жить дальше. В этот снежный, мгlistый ленинградский вечер беседа затянулась до полуночи. Я записал то, что говорил Снетков...

ПРОШЛОЕ

... Это было ровно пятьдесят лет назад. Весна в тот год выдалась студеная, снежная, мокрые хлопья падали на землю, на густой молодой ельник и вершины сосен. Река Кубина от сильного снегопада и проливных дождей поднялась, местами вышла из берегов, хлынула в болота, где образовались большие озера, по которым нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать. В такую пору, как говорят, добрый хозяин со двора собаку не выгонит.

Но бокрыловские бурлаки не дожидались погожих солнечных и теплых дней. Надо было успеть до спада воды столкнуть лес в верховья Кубины и на все ее притоки, чтобы гнать его как можно скорее в низовья реки за триста пятьдесят верст к фабричным биржам.

И сплавщики, ругаясь, проклиная судьбу, шли через дремучие леса, обходили топкие болотины,

где можно было — переправлялись на самодельных плотках через глубокие места, хлюпали лаптями по вязкой красновато-ржавой трясине, перепрыгивая, как зайцы, с кочки на кочку. Они шли днем и ночью с холщевыми котомками за плечами, лишь изредка останавливаясь на короткий привал.

В этой бурлацкой компании оказался двенадцатилетний разбитной, здоровый малый. Он впервые вышел на сплав. У него, как у заправского бурлака, была перекинута через плечо самодельная котомка, а на ногах надеты лапти. Он был в изодранном холщевом зипуне и таких же домотканых штанах. Мальчик шагал позади артели, временами он не успевал за своими взрослыми товарищами. Усталый с непривычки, он останавливался передохнуть, а потом, спохватившись, бежал изо всех сил, спотыкаясь и падая...

Через несколько дней артель добралась до самого верхнего плотбища. Здесь на горных катищах были сложены штабели свежего окоренного леса. К приходу бурлаков на место погода установилась, появилось солнышко, потеплело. На березах набухли почки, в лесу по-весеннему запели птицы.

Но у сплавщиков, утомленных долгой трудной дорогой, не было времени любоваться пробуждением природы. Река уже вошла в берега, и им надо спешить.

Заухали бурлаки на плотбище, полетели бревна в воду. С крутых берегов они ныряли, как

большие рыбы, а потом, появившись на поверхности и развернувшись по течению, увлекаемые им, неслись по реке.

Мальчик с удивлением и завистью смотрел на работу бурлаков. Отдохнув немного, он начал было помогать раскатывать штабели, но на него крикнул старшой артели:

— Не суйся не в свое дело!

Он отошел в сторону и продолжал наблюдать, как с грохотом падают бревна.

— Чего рот разинул, ворона! — крикнул тот же старшой. — Иди, готовь обед.

И Николка побежал к становищу, где были сложены котомки и припасы для незатейливой бурлацкой пищи, привезенные подрядчиком по зимней дороге.

Бурлацкий харч — простой: налил в ведро воды, всыпал пшена побольше, выйдет густой крутяк, такой, чтобы ложка в нем стояла. Мальчику не раз приходилось готовить крутяк дома, и он смело приступил к делу.

Обед пришлось варить в большой железной бадье на всю артель сразу. Николай долго хлопотал вокруг костра, подкладывая сухой хворост и мешал пшено деревянной палкой. Наконец каша поспела.

Сплавщики пришли на стоянку уставшие и голодные. Помолтились, молча сели вокруг бадьи, вооружились деревянными ложками и, взяв большие ломти черствого черного хлеба, приня-

лись за еду. Ели молча и быстро, подбирая раскрошенный сухой хлеб на ладонь.

После обеда, не отдыхая, артель отправилась к реке. Весь лес был быстро сброшен. Многие бревна приткнулись к берегу на тихом течении и остановились. Сплавщики отталкивали их, медленно продвигаясь вдоль берега.

Недалеко от стоянки на реке уже плавал сбитый из бревен небольшой аккуратный плот. На него погрузили котомки и провиант, багры и топоры. Старшой артели, по мнению Николки самый злой бурлак, перебрался на плот и, оттолкнувшись шестом от берега, поплыл вслед за последними бревнами.

МОЛЕГОНЫ

Николай Снетков теперь работал вместе со взрослыми, он толкал багром застрявшие бревна. Как и взрослые сплавщики, Николай попробовал, стоя на одном бревне, переправиться через реку, балансируя руками, но поскользнулся и упал в воду. Его вытащили мокрого, озябшего, ругали и били за баловство.

Перед ужином мальчик уходил готовить все тот же неизменный крутяк и чай. Изредка его хвалили за усердие какой-нибудь сердобольный сплавщик, но больше ругали за пригоревшую кашу, за то, что не умеет как следует толкать бревна, отстают от артели. Да мало ли за что могут ругать мальчишку бурлаки! На нем,

только на нем, они могли вымещать свою злобу, свои горести.

Молевой сплав

Мальчик терпеливо сносил жестокие обиды; старался изо всех сил угодить каждому: бегал от одного пикета к другому, работал вместе с артелью, готовил еду, разводил костер, чтобы

сплавщики могли высушить насквозь промокшую одежду...

Но вот, наконец, артель вышла на главную Кубинскую магистраль. Эта река широкая, глубокая, быстрая. Для сплавщиков такая река —

Сгон моля

беда: надо за лесом глядеть, чтобы не занесло его в кусты, в поймы и старицы, чтобы не остановился он в заводях.

А бревен по этой реке сплавлялось россыпью, или, как говорят, модем, огромное количество. Местами река была покрыта сплошь лесом, будто деревянным бревенчатым настилом. Тут был

лес акционерного Сокольского общества, каких-то вологодских купцов и заводчиков. Много было всяких хозяев.

— Ну вот что, Колька, — сказал старшой. — Теперь ты будешь нашим фискалом. — И он объяснил, что значит эта необыкновенная должность.

Фискал должен был бегать по берегу вверх и вниз, смотреть, не занесло ли акционерный лес в кошели других хозяев. Если увидит в чужом кошеле свое бревно, помеченное зеленой краской или жженым клеймом, должен вытолкнуть его из этого кошеля и привести в свой. Бывало, что в чужой кошель набьется много хозяйских бревен. По качающимся кошельным обносам мальчик ходит с багром, проваливается в ледяную воду, едва успевая схватиться за оплотник. Но он не отступает, отряхивается, как гусь, и снова продолжает выводить непослушные бревна. Фискал обязан глядеть, чтобы эти бревна не скрылись опять в старицах или заводях, не заплыли в кусты на разливе реки. Если же чужие бревна попадут в хозяйский кошель, опять же фискал должен сообщить рабочим. Тогда надо вырубить крашеное или жженое клеймо, чтобы хозяину нельзя было узнать свой лес, или в крайнем случае спрятать такое бревно под бревна в своем кошеле.

И так мальчик бегал изо дня в день от зари до темной ночи, не зная ни минуты покоя. Лишь когда заходило солнце, он срывал молодые ело-

вые ветки, выбирал место посуше, устраивал себе постель и, просушив свои лохмотья, ложился спать.

Жесткая это была постель, холодная. Ему хотелось спать, но заснуть не мог от стужи и от того, что сучья врезались в тело. Много было передумано в эти бессонные ночи. Он вспоминал недавно умершего отца Дормидонта Снеткова, всю жизнь работавшего топором и пилой. Отец оставил после себя лишь эту пилу да пять голодных ртов. Дормидонт умер совсем молодым — простудился. Быть может, вот так же простудится и он, Николай Снетков. Мальчик вскакивает и бежит к костру, греет посиневшие руки и ноги, но сон одолевает его и он засыпает тут же у костра.

Думал Николай также о том, как вернется домой, как обрадуется ему мать, сестренки, братишки. Ведь он самый старший, заменяет отца, кормит семью.

Да, Николай принесет много-много денег. Ведь он получает 80 копеек в неделю. А работать придется по крайней мере десять недель. Сколько же это будет? Он не умел считать. Десять недель по 80 копеек, должно быть, немалые деньги. Быть может, мать ему купит сапоги. Это его мечта, давняя, заветная. Ведь Николай никогда еще не носил сапог. Рубаху же и штаны из настоящей чертовой кожи наверное можно будет купить — думал мальчик.

Кончились 10 недель. И вместо восьми рублей

Николаю выдали только пять. Мать, братья и сестры встретили своего кормильца с радостью. Деньги тотчас же были истрачены: отдали долги, купили припасов на долгую зиму, в хозяйстве ведь много всяких прорех. А штаны и рубаху решили купить в другой раз, когда заработок будет побольше...

В следующие годы сплавщик Николай Снетков ходил по той же реке, ночевал в тех же ботах, снова фискалил и варил крутяк.

Правда, когда он стал взрослым, фискалом наняли другого мальчика, а он ходил с багром, как все бурлаки, и зарабатывал уже не 80 копеек, а рубль двадцать копеек в неделю. Но и этого заработка никогда не хватало. Семья вечно сидела полуголодная, разутая, раздетая. Надо было увеличить заработок, и Николай начал работать зимой лесорубом. Однако в то время топором да багром можно было заработать только на хлеб да на соль.

До двадцати лет жил так Снетков. За это время он так и не избавился от домотканых лохмотьев, а когда пришла пора жениться, подвенечный костюм пришлось взять напрокат. Женился, отгуляли свадьбу, обрядился Снетков в свою одежонку, вскинул багор и опять на сплав...

Но эта суровая жизнь многому научила молодого человека. У него появилось страстное желание научиться грамоте. И он взялся за это со страстью, энергией. В свободные минуты просил грамотного десятника объяснить ему буквы.

Работая багром, Николай Снетков иногда вычерчивал на песке мудреные знаки. Он писал на кусках молодой бересты углем. У него было упорное желание учиться, он все хотел знать.

Работать и одновременно учиться было тяжело. Товарищи подсмеивались над ним, говорили, что он поздно взялся за науку, шутили. Но молодой сплавщик продолжал занятия, удивляя окружающих его людей своей энергией, настойчивостью, упорством.

— Зачем тебе наука? — говорили бурлаки. — Грамотный ты или нет — все равно; для того чтобы толкать бревна, надо иметь силу, а ученость тут не поможет.

Однако друзья Снеткова ошиблись. Сплавщику пригодилась грамота. В России вспыхнула революция. Стране понадобились свои опытные, грамотные люди, способные организаторы, хорошо знающие дело. Снетков был назначен на Высоковскую запань. Здесь сортировалась и сплавивалась древесина в плоты, а затем уже отправлялась в транзит. На запани была устроена веерная сетка с одними воротами и кошелками, в которых лес сортировался по длинам и породам. Сплавщики толкали бревна с багра на багор, из одного кошеля в другой по нескольку раз. Но часто бывало и так, что единственные ворота не могли пропустить всю древесину, требующуюся для сплотки. На сортировочной сетке работало 75—100 человек. Но они с большим

трудом успевали за длинный летний день пропустить две тысячи кубометров древесины.

Николай Снетков одним из первых стал думать, как увеличить пропускную способность сетки, как переделать ее, чтобы люди не переливали из пустого в порожнее, чтобы пропущенное в ворота бревно попадало сразу к сплотчикам или в отдельный кошель.

Сперва он предложил устроить дополнительные ворота, но администрация не позволила нарушать установленный порядок.

— Так сплавливали наши деды, отцы, так будем делать и мы, — говорили ему.

Но устройство ворот было продумано Снетковым детально и точно рассчитано. Не останавливаться же на полпути. И Снетков на свой риск решил сделать дополнительные ворота и заодно изменить конструкцию сетки, приспособив ее к общему коридору рукава. Ворота были устроены в один вечер. Сетка переделана. На следующий день рабочие начали сортировать вдвое больше древесины, и труд сплавщиков был значительно облегчен.

На запяни поднялся шум.

— Почему на новой сетке люди зарабатывают больше, чем на старой?

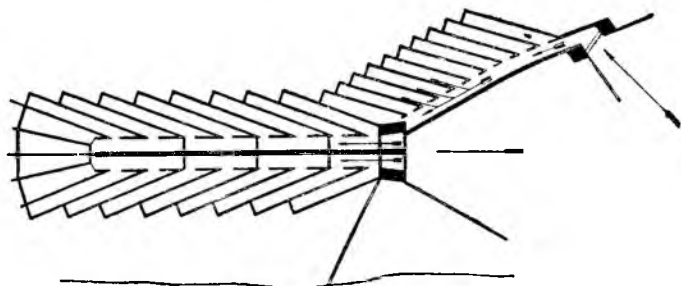
— Снетков это мудрит. Нарочно подстроил...

Дело кончилось печально. Нашлись руководители, которые запретили изобретателю какие бы то ни было эксперименты.

— Не умничай, пожалуйста, — предупреждали его. — Наше дело — работать.

— Но ведь можно переделать и другую, левобережную сетку, — возражал Снетков.

— Не стоит возиться. Ерунда эти переделки, времени и так хватит, весь лес сплавим, — отвечали изобретателю.

Сортировочная сетка

Снетков с тех пор не переставал думать о своей сетке. Она уже была проверена на опыте. Рабочие говорили, что на ней гораздо легче и лучше работать.

В голове изобретателя созрел проект новой, легкой, удобной коридорной сетки и запани с двумя воротами, через которые лес идет ходом и затем в центральных коридорах разворачивается в щель, нигде не задерживаясь. Бревна не надо будет толкать из одного кошеля в другой. Для каждого сорта и длины будет свой небольшой дворик. Бревно пройдет из главных ворот

до плотчиков, нигде не задерживаясь и не останавливаясь.

Николай Дормидонтович сделал чертеж и принес его директору.

— Вот моя схема. Давайте попробуем, польза будет большая, а средств надо немного.

— Нечего пробовать. Какой ты беспокойный, — заявил директор. — Не выдумывай, оставь свое изобретательство, не доведет оно тебя до добра.

Снетков, однако, не послушался. Он написал в редакцию газеты и в Губернский исполнительный комитет. Председатель Губплана некий Ерлыков, с видом знатока рассмотрев чертеж, наложил следующую резолюцию:

«Ваш проект об улучшении системы сплава рассмотрен и отклонен, как не подтверждающий упрощения и выгоды разборки и сплотки лесоматериалов».

Такой же ответ пришел из фабричного объединения, в чьем подчинении находилась Высоковская запань.

А вслед за этим директор запани решил избавиться от назойливого изобретателя и послал его на лесозаготовки в Вожегодский район Вологодской губернии.

НАСТОЙЧИВОСТЬ

Над изобретателем подсмеивались — «достукался, мол, доумничал, все от тебя отказываются». Но Снетков терпеливо сносил обиды и на-

смешки и уверенный в правоте своего дела продолжал стучать во все двери.

Десять лет тянулась переписка Снеткова с различными организациями. Десять лет он доказывал выгодность своей сетки, уже испытанной и проверенной на запани. Но по какой-то неизвестной причине предложение отклонялось.

И сплавщик решил написать всесоюзному старосте — Михаилу Ивановичу Калинин. Вот это письмо:

«Вам небезызвестно, что Северный край республики, в частности Вологодская губерния богата лесными массивами.

Лесоматериал, как сырьевой продукт государственной важности, в нашей местности заготавливается в количестве от двух до трех миллионов бревен разной толщины и длины, которые сплавляются модем по реке Кубине и ее притокам.

Причем на сплав, а главное на сортировку лесоматериалов в разборочной запани, расходуется немало государственных средств и тратится чрезвычайно много иногда непосильного бурлацкого труда.

Я, как проработавший в данной отрасли не один десяток лет, учитываю, что лишняя трата средств и трудов происходит из-за допотопной системы постановки работ без всяких приспособлений, а основанной лишь на привычных для бурлака словах: «Дубинушка, ухнем».

Каждый сознательный гражданин должен искать пути для сокращения государственных

расходов и для улучшения системы промышленности. Я, как практик, этот выход нашел и скажу с уверенностью, что при осуществлении моего плана расход средств и бурлацкого труда сократился бы на 70 процентов. Желая отдать свои знания, полученные от долголетней практики, на общее благо трудящихся, я неоднократно (начиная с 1917 г.) обращался с предложением своих услуг о введении более выгодной и усовершенствованной системы сплавных работ, просил разрешения сделать пробный опыт. Но, очевидно, как отдельные представители фабричной власти, так и управление в целом и разговаривать со мной на эту тему не желают, и все мои искренние стремления и просьбы до сих пор остаются гласом вопиющего в пустыне.

Теперь последняя надежда только на Вас, Михаил Иванович. Я полагаю, что Вы дадите исчерпывающие указания, как провести опыт предлагаемого мною плана работ, где получить разрешение и могущие потребоваться средства для его осуществления. Или, может, скажете раз и навсегда, что в таких предложениях государство не нуждается, но для меня хоть положительный, хоть отрицательный ответ будет все же служить успокоением...»

Лишь после этого письма, в 1930 г., отношение к изобретателю изменилось. Для изучения его проекта была создана специальная техническая комиссия, которая теперь уже довольно быстро решила вопрос и вынесла заключение, что пред-

лагаемая схема сортировочного устройства оригинальна и вполне применима.

Изобретателю предложено было построить первую запань и сетку на родной Высокровке.

Начались боевые дни. Снетков лично разработал первые чертежи. Он объяснял сплавщикам, старым своим товарищам, какие должны быть боны и панели, размеры их, способ крепления. Такелажники заготовили снасти — якоря, тросы. Наступил желанный день установки.

Это было 31 августа 1931 г. Изобретатель лично руководил установкой запани. Без шапки, в белой русской рубахе, веселый, довольный ходил он по запани, смотрел за каждым ее узлом, проверял крепления, тросы, городки, переходы. Разговаривал и советовался с рабочими. И когда все было готово, Николай Дормидонтович сам расставил людей по дворикам, объяснил каждому сплавщику, какой сорт леса он должен выбирать из главного коридора, и, взяв багор, открыл перемычку в главных воротах и пустил первую партию леса...

Расчеты оказались правильными, предположения Снеткова сбылись полностью. Запань в первый же день сплотки пропустила через главные сортировочные ворота не две тысячи, как это было при старой сетке, а шесть тысяч кубометров. Работало же на сортировке не 100, а 60 человек. Это была невиданная и неслыханная по тем временам производительность, подлинная ломка старых методов, которыми люди работали

на сплаве многие годы, боясь хоть сколько-нибудь изменить укоренившиеся традиции.

Вот уже десять лет как сортировочную сетку Снеткова применяют на запанях и рейдах Камы, Северной Двины, на сибирских реках — везде, где сплавляются миллионы кубометров древесины. Но многие даже не знают имени изобретателя, не знают, кто он и как он работал над созданием этой замечательной конструкции.

Один инженер недавно заявил, что сетка Снеткова десять лет назад произвела подлинную революцию на сплаве, заставила задуматься над тем, что пора изменить укоренившиеся отсталые методы, двинула вперед сплавную науку и технику. И это совершенно правильно.

СТАНОК

Пропускная способность сетки увеличилась. Это потребовало большого количества сплотчиков, да и ручная работа на сплотке древесины требует больших усилий. Снетков снова задумался. Мысль о создании сплоточного станка зародилась у него давно, когда он еще работал над сеткой. Еще тогда не выходил из головы план запани, где ручной труд будет полностью заменен машиной.

Но как придумать такой механизм, не зная законов механики? Однажды изобретатель пришел на лесную биржу. Там выгружали лес из воды. Плавающие на воде бревна захватывались тросами и сжимались петлей в пучок, который

гара лошадей тащила по слегам к штабелям, сложенным на крутом берегу.

Именно тогда на бирже возникла у него мысль о сплочной машине.

«Почему бы не сделать ворот, при помощи которого можно будет сжимать пучки на воде?» — подумал Снетков. Пока он шел домой, у него уже сложился общий план. Две плитки, сбитые из бревен. На одной из них укреплен ворот. К нему привязан конец металлического троса. Другой конец прикреплен за крюк на этой же плитке, петля накидывается на бревна, плавающие между плиток. Рабочие накидывают петлю на бревна, двое крутят ворот, трос навивается, петля затягивается, и бревна легко сжимаются в пучок. Потом на них надевают хомуты из виц и освобождают трос. Пучок немного расширяется, натягивает хомуты и в готовом виде выталкивается из станка.

Тогда же Снетков сам построил такую машину и установил ее на одной запани. Четверо рабочих в первую смену сплотили 600 кубометров. Самая наивысшая производительность на ручной сплотке в то время достигала 25 кубометров на рабочего в смену.

Этот простой и высокопроизводительный станок был оценен по заслугам за одну навигацию. Станков для ручной сплотки было построено несколько десятков. С их помощью сплотили свыше миллиона кубометров.

Жизнь не останавливается, и, чтобы не от-

стать от нее, Снетков продолжает работать над усовершенствованием своего станка. Ведь станок этот все же ручной. Ворот надо крутить. Нужна машина более совершенная, облегчающая труд рабочих.

НОВАЯ МАШИНА

Дни и ночи сидит Снетков у себя в комнате, что-то чертит, пилит, строгают, рубит. Лицо сосредоточено, на лбу залегли глубокие складки. На полу разбросаны стружки, всевозможные инструменты. Днем он уходит в столярную мастерскую, в кузницу, а вечером возвращается домой, нагруженный какими-то деталями, прижимает их. Мало спит и почти совсем не ест.

— Не заболел ли ты? — спрашивает его жена.

— Нет, здоров, — отвечает он и продолжает свое дело.

На столе появляются два длинных понтона. Они скрепляются балками. Вдоль понтонов на шестернях укрепляется бесконечная цепь с кронштейнами. Сбоку приделан ворот. Как только начнешь крутить его, цепь движется, кронштейны опускаются, захватывают небольшие бревнышки, прижимают их к стенке и получается пучок. Остается лишь связать его.

Ручной ворот можно заменить машиной. Ее нужно поставить сбоку — мудрости тут нет никакой.

Модель готова. Все расчеты сделаны, детали

продуманы — смотри, строй машину и сплавивай бревна.

Снетков привозит эту модель к управляющему лесосплавным трестом, приглашает специалистов, показывает им свое изобретение.

Все восхищаются, хвалят.

Снетковскую машину строят в затоне, пробуют на воде, она, оказывается, не уступает «Блакстаду». Рабочие охотно сплавивают на ней лес, она экономична и дает высокую производительность. Сплотчики работают на сухом понтоне-площадке; работа состоит из следующих операций: сжатие пучка, обвязывание его, подъем задних стоек и выталкивание пучка, опускание стоек заднего моста.

— Вот ведь наш, свой человек из бурлаков, а придумал умную машину, пожалуй, лучшую, чем заморский прославленный «Блакстад», — говорят сплавщики.

Это совершенно правильно.

Снетковская машина-пучковязатель с каждым годом приобретает все большую славу. Ее внедряют на всех крупнейших рейдах страны.

ЦЕНА ВРЕМЕНИ

Работая над конструкцией станка для пучковой сплотки, Николай Дормидонтович ни на минуту не забывал, что и у этой новой машины слишком большие паузы между вязкой пучков и набором новой щети. После того как пучок связан, машину каждый раз приходится оста-

навливать на 2—3 минуты, чтобы заделать обвязку, закрутить проволоку или накинуть цепные хомуты с замками.

Кроме того, все существующие сплочные машины имеют глубокую осадку, громоздки, не совсем удобны для транспортировки и установки.

Надо создать такой агрегат, в котором не было бы всех этих недостатков. Прежде всего он должен работать непрерывно, без остановок.

Эта мысль не покидает изобретателя. Он думает теперь только о таком совершенном механизме. Временами он бросает работу, задумывается, берет обрывки проволоки, связывает их в какие-то замысловатые петли. Возвращаясь домой, принимается за схему, что-то вычерчивает на бумаге. И вот уже возникли очертания будущей машины, простой и удобной. Он принимается за постройку модели. В мастерской закипела работа. Снетков делает первые части. Он опять пилит и строгает, рубит металл, примеряет детали. Не все идет гладко, но Снетков не отступает. Модель готова. Тогда изобретатель приступает к постройке опытного образца в Шипицынском затоне. Дни и ночи он проводит на берегу, там, где заложено основание новой машины.

Непрерывно работающая машина, или, как ее называют, машина двойного действия, готова. Она не имеет холостого хода. Пока связывается один пучок, набирается щеть для второго.

На ней работает бригада из пяти человек и сплавивает три тысячи кубометров в смену. Стоимость постройки такой машины 15 тысяч рублей. Она очень удобна. Изобретатель предполагает использовать ее для ранневесенней сплотки под катищами.

При расчетах машины двойного действия, работающей непрерывно, осуществлена главная идея изобретателя. Разрешена почти полностью проблема непрерывного безостановочного выхода готовых пучков из механизма.

Работа над этой машиной продолжается.

ХОРОШО И ПРОСТО

Наш Дормидонтыч занимается не только крупными изобретениями и усовершенствованием машин устаревших конструкций. Он не проходит мимо «мелких» деталей, на которые обычно обращают мало внимания. На сплаве с незапамятных времен колышки (закрутки) на металлических тросах расправляли вручную. Иногда при размотке бухт на новом тросе образовывалась колышка. Даже если ее расправить, новый цинк теряет прочность в том месте, где завернулась колышка.

И вот осенью, когда снятые с рейдовых сооружений снасти убираются на вешала и стеллажи, обнаруживаются эти колышки. На раскрутку колышки у толстого троса — запанного лежбя или металлического выноса — требовалось не менее 15 человек.

Над этим стоит задуматься — решил Снетков. Десятки схематических чертежей были сделаны и отложены как непригодные. Изобретатель критически относится к своей работе. Он успокаивается только тогда, когда правильное решение найдено и приспособление можно смело рекомендовать.

Изобретатель строит станок для размотки и намотки бухт и исправления колышек. Он не идет с чертежом по инстанциям, а сам, лично с плотниками, кузнецами принимается за постройку. Ведь это такой станок, который легко может сделать каждый рабочий-такелажник, имея под руками топор, пилу и некоторые кузнечные инструменты.

Вот этот станок. Деревянная небольшая площадка из круглого леса, скрепленного поперечными брусьями. На площадке установлен ворот, такой же, как у колодца. С одной стороны ворота, там, где навивается трос, сделан желобок, он закрывается наглухо пластинкой. Если вы хотите расправить колышку, вставьте трос в желобок, прикройте его пластинкой, затем поворачивайте ворот, и колышка раскрутится. Потом лишь стоит убрать планку, и можно продолжать навивку или размотку бухты.

Снетковские станки уже работают на многих запанях в бассейне Северной Двины.

Вот еще один штрих. Снетков работал на лесозаготовках... Он и здесь внимательно приглядывался к труду лесорубов, возчиков, валь-

щиков. Подрубив и подпилив дерево, вальщик толкает его топором или шестом. Но это тяжело и опасно. Изобретатель придумал специальный толкач для валки леса, облегчающий труд рабочих и исключая опасность. Толкач Снеткова прост. Берется обыкновенная полая труба. В нее вставляется до половины деревянный стержень, на конце которого надето копые. Стержень укрепляется в трубе намертво. С другого конца трубы вставляется второй деревянный стержень; он свободно, как поршень, может двигаться вперед или назад. К этому стержню прикреплен обыкновенный рычаг, для которого в трубе делается продольное отверстие. Одним концом толкач ставится на землю, другим упирается в дерево. Достаточно сделать легкий нажим на рычаг, чтобы свалить дерево. Этот толкач, как и все другие простейшие снетковские приспособления, может быть сделан на любом лесопункте, в любой кузнице.

СТАНОК ДЛЯ СПЛОТКИ „ЕРШЕЙ“

Недавно капитан-наставник ордеконосец Черемисин предложил сплотку плотов по типу «ерш». Это наиболее выгодный вид сплотки, сокращающий потребность в такелаже, очень удобный для буксировки в условиях мелководья. Ценность ершей признана всеми сплавщиками. Ими охотно пользуются во многих сплавных бассейнах

СССР, в том числе в Белоруссии и на Украине.

Однако сплотка ершей производилась исключительно вручную.

Снетков оценил большое будущее нового вида сплотки и начал работать над конструкцией машины.

Как и следовало ожидать, Николай Дормидонтович и на этот раз создал удачную и простую машину.

Вот краткое описание нового агрегата, который строится Центральным научно-исследовательским институтом лесосплава.

Машина смонтирована на понтонах. Лес сплавляется в двух независимых друг от друга коридорах. На среднем понтоне установлен двигатель и рычаги управления для обоих коридоров. Понтоны — ряжевые срубы, установлены на бочках.

Ерши сплавляются путем затопления рядов бревен и напуска на них новых рядов. После подачи каждого ряда линейка продвигается на определенный интервал, установленный между рядами.

Набранный ряд бревен продвигается к линейке механически вращающимся барабаном. Хвост формируемой линейки затопляется также механически с помощью поперечной балки и вертикальных реек, приводимых в движение посредством трансмиссионной передачи.

Через каждые четыре ряда по длине боковые

бревна линейки связываются друг с другом проволокой.

Машина с ручным приводом для сплотки ершей построена в 1940 г. на Шипицынской запаки Северной Двины. Обслуживая один коридор с ручным затоплением рядов и без ведущего барабана, четверо рабочих спланивали 500—600 кубометров за восьмичасовую смену. Почти в три раза больше, чем при обычной ручной сплотке. На техническом совещании в Научно-исследовательском институте лесосплава изобретатель сделал сообщение о своем станке. С докладами выступили консультанты-инженеры. Все они говорили о простоте конструкции, удачном разрешении этой сложной идеи. В институт к тому времени прислали много схем и проектов новых станков для сплотки ершей, но присутствующие на совещании специалисты, инженеры и профессора дали положительную оценку машине Сметкова. Совещание тогда же решило:

«Предложение одобрить и приступить к изготовлению опытного образца машины для механической сплотки ершей».

Уже в навигацию 1941 г. такие машины появляются на рейдах Северной Двины.

Научно-техническая мысль уже давно работает над сокращением сроков сплава, чтобы основную массу древесины пропустить по большой воде и тем самым удешевить транспорт леса. Всевозможные сплоточные стакки и приспособления самых разнообразных конструкций, зимняя

погрузка древесины в плоты при помощи тракторов — все это нужно для того, чтобы не упустить полноводный период, облегчить труд грузчиков и сократить расходы на сплавные работы.

Над этим же работает Николай Дормидонтович Снетков. Он говорит:

— За сорок пять лет работы на сплаве я убедился, что необходимо внести изменение в организацию первоначального сплава. Если люди коренным образом изменили сплотку и от «Дубинушки» перешли к мощным агрегатам, то на молевом сплаве все остается по-старому.

К сожалению, это так и есть. Лес модем сплавляли наши деды и прадеды. При молевом сплаве много древесины попадает в старицы, оседает на песках и обсыхает. Потом для скатки леса пускают караванку, затрачивают массу сил. В низовьях рек устраивают дорогие запаны.

Что же нужно сделать, чтобы изменить существующую организацию?

На этот и многие другие вопросы у Николая Дормидонтовича есть готовый ответ. В течение многих лет Снетков думал об этом, советовался со сплавщиками, проверял, взвешивал каждую мелочь и, наконец, решился выступить с конкретным предложением.

РАННЯЯ СПЛОТКА

Излишних затрат можно избежать при организации ранневесенней сплотки. Первые проведенные опыты дали положительные результаты.

Что такое ранневесенняя сплотка?

На мелких первичных речках древесина скатывается в воду. Здесь же устроены небольшие дворики и установлены машины двойного действия для сплотки пучков.

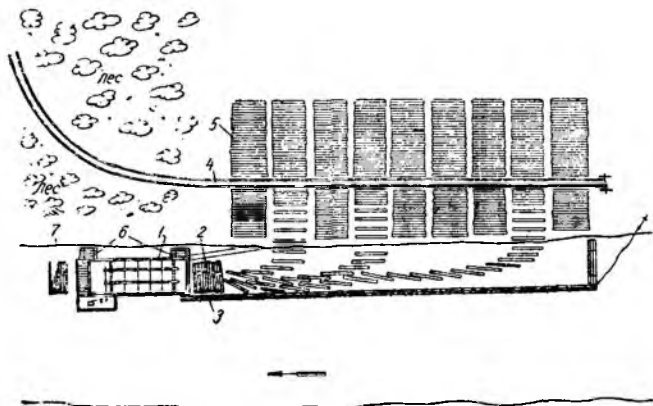
Предположим, что на складе имеется 60 тысяч кубометров древесины. Под катищем устанавливаются две машины. Каждую обслуживает бригада из пяти рабочих. На три смены нужно 30 человек. Эти агрегаты в три смены могут легко сплотить 17 тысяч кубометров. Выходит, что для сплотки понадобится меньше четырех суток. Организация сплотки простая. Лес поштабельно скатывается в воду, сортировать его не надо, так как штабели сложены по установленным группам сортиментов. Древесину тут же запускают в станок, связывают в пучки, а потом отводят.

Сорок человек за четыре дня могут справиться со сплоткой и отводкой, и эту древесину не надо будет гнать модем за сотни километров толкать бревна с багра на багор, не придется строить дорогие рейды, запаны, не нужно сортировать лес. Будет огромная экономия средств и, главное, времени, а это особенно важно для сплава.

Снеткову сперва возражали: «Позвольте, — говорили одни, — куда же вы будете ставить погруженную древесину? Ведь у нас ее миллионы кубометров». Он указал, что погруженную древесину не надо ставить на прикол и мариновать до зимы, как это бывает у захудалых хозяев. Пусть сплоченный лес отводят пароходы или

сплавляют отдельными гонками на магистраль. Ведь в большую воду пароход может взять вдвое или даже втрое больший воз.

Другие говорили, что при ранневесенней сплотке нужна особенная организованность и четкая дружная работа.

Ранневесенняя сплотка:

1—сплоточная машина, 2—щель, 3—направляющий бок, 4—лесовозная дорога, 5—штабели бревен, 6—мостики, 7—готовый пучок

— Это правильно, — отвечал Снетков, — но ведь мы всегда были против распущенности. Неужели же ради нее надо все продолжать по-старому, тратить напрасно средства и труд людей?

Ранневесенняя сплотка позволит закончить все сплавные работы к началу июля. Сезонная рабо-

чая сила освободится на сенокос, на уборку урожая и другие работы.

Изобретатель всецело посвятил свой труд, весь досуг организации ранневесенней сплотки. Все было готово и разработано — станки, боны для двориков, продумана организация труда в бригадах. Но Николай Дормидонтович работает над тем, какие материалы лучше применить для обвязки пучков, нельзя ли заменить проволоку древесными канатами, чтобы не завозить ее за тысячи километров на верхние плотбища, не трать металл. В свое время Снетков связывал пучки на своих машинах вичными хомутами. Скрученные из черемуховых или березовых тонких виц, такие трехрядные канаты не уступают по прочности проволочной обвязке. Пучки с такими хомутами испытывались в штормы, их сажали на пьески. Они прекрасно выдерживали испытания и в целости приходили в конечные пункты.

Предложение Снеткова о ранневесенней сплотке принято Наркомлесом СССР; уже есть приказ. Впервые в широких масштабах решено провести сплотку под катищами на реке Сухоне и ее притоках. Снетков лично будет принимать участие в реализации своего предложения.

ТВОРЧЕСТВО

Все рационализаторские предложения и конструкции, над которыми думал и работал Снетков, доведены до конца. Задумано — сделано,

таков принцип Снеткова. У него свыше двух десятков изобретений и рационализаторских предложений, и все они осуществлены, получили всеобщее признание.

Конструкции Снеткова отличаются исключительной простотой, дают высокую производительность и поэтому быстро распространяются почти во всех основных сплавных бассейнах нашей страны.

Но создав машину, изобретатель не останавливается на достигнутом. Он не созерцает спокойно плоды своих трудов, а продолжает усиленно работать, совершенствует конструкцию, критически относится к каждому своему созданию.

Нынешняя машина Снеткова для механической сплотки пучков — результат многолетнего труда. Но и эта, казалось бы, законченная конструкция еще будет подвергаться изменениям и улучшениям. Порукой этому служит труд изобретателя, его энергия, исключительная работоспособность в любой обстановке и в любое время.

У Николая Дормидонтовича нет специальных лабораторий. Он практик. Он творит свои оригинальные произведения, работая на сплаве, на сплотке, на запанях и рейдах Северодвинского бассейна.

Наступает весна. Лед на реках синее, поднимается, ломается и уносится половодьем. А наш Дормидонтыч успел еще по зимнику приехать на катище, он обучает сплавщиков, живет вместе

с ними, советуется, поверяет им свои замыслы.

Лаборатория Снеткова — запань, рейд, плотбище. Его экспериментальные мастерские — Шипицынская кузница и столярная мастерская, где изобретатель проводит досуг.

Что же служит стимулом для его упорного труда?

Вот что говорит об этом он сам:

«Желание облегчить труд людей и сделать его приятным занятием не покидало меня никогда. Я на своих плечах испытал бурлацкую долю. Жил в таких условиях, о которых нынешнее молодое поколение знает только по рассказам стариков».

Снетковские предложения осуществлены, машины его построены. Он видит, как легко работать на них людям, как они радуются всякому усовершенствованию. Ему часто говорят:

— Молодец, Дормидонтыч, спасибо, брат!

Из наркомата, треста, рейдов и запаней в трудную минуту обращаются к Снеткову и просят сконструировать новую машину или приспособление. Перед Снетковым широко открылись двери научных учреждений, ему помогают инженеры, конструкторы, механики, к нему приезжают профессора, они работают вместе с ним.

Наука и практика стали единым целым. Инженеры, профессора помогают практикам, рабочим, стахановцам, изобретателям осуществлять их замечательные идеи, строить новые машины, облегчающие тяжелый физический труд.

Изобретательство в нашей стране приняло широкий размах. Трудоемкие процессы работы механизуются, тяжелый труд становится легким и радостным.

Государство отпускает средства на постройку новых машин и приспособлений, труд изобретателя стал почетным, радостным, всеми уважаемым.

— Как же при таких условиях не творить, не увлекаться и не забывать о том, что ты уже в летах, что тебе перевалило за шестьдесят лет, — говорит Снетков и весело, по-молодому смеется.

Это правда, сказанная от чистого сердца. Николай Дормидонтович мог бы теперь жить, ни о чем не заботясь и ни о чем не думая. Ему за его изобретения причитается столько, что этих денег хватило бы не только старому сплавщику, но и его детям. Он мог бы получать, наконец, пенсию. Но зачем пенсия, зачем бездеятельная жизнь, когда в руках еще так много силы, а в голове ясные мысли?

— Мне не прожить ни одного дня без дела, — говорит Снетков. — Скука и тоска меня заедят. Мои дети обеспечены, вся семья поставлена на ноги. Мой старший сын Александр — механик на одном из архангельских заводов, второй сын Николай — воин Красной армии, награжден орденом «Красная звезда», третий сын Борис — студент, дочери — Александра и Мария замужем, все они живут отлично.

* * *

Каждый прошедший год обогащает нашу науку и технику новыми достижениями. Инженеры, конструкторы, изобретатели и рационализаторы работают над созданием новых машин, облегчающих труд людей и дающих невиданную до сих пор производительность. В числе этих тружеников талантливый самородок-изобретатель, вышедший из бурлаков, сплавщик и лесоруб—Николай Дормидонтович Снетков.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Встреча	5
Прошлое	6
Молегоны	9
Настойчивость	18
Станок	22
Новая машина	24
Цена времени	25
Хорошо и просто	27
Станок для сплотки „ершей“	29
Ранняя сплотка	32
Творчество	35
